

Однако, задумавшись еще глубже, выражение его глаз стало постепенно меняться.

В конце концов, это же Е Чжицю. Если бы на его месте был другой, более наивный или простодушный ребенок, его бы давно обглодали до костей.

Может быть, именно поэтому Е Чжицю сомневается в причине смерти своей матери и больше не может открыться и довериться кому-либо?

В папке также было несколько фотографий Е Чжицю в детстве. Темные волосы немного отросли, глаза большие и круглые, он был белым и пухлым, как булочка. На каждой фотографии, где появлялась Тао Жоцин, маленький «колобок» своим взглядом и жестами выражал крайнюю зависимость и доверие к ней.

Цинь Цзяньхэ на мгновение закрыл глаза. Он не мог представить, какую боль пришлось пережить Е Чжицю, чтобы справиться с этой ложью, которая тянулась за ним всю его жизнь, и с бесстыдным предательством самого близкого человека. Ему всего девятнадцать лет, он нежный, как спаржа, сломается от одного прикосновения. Но ему пришлось в одиночку выдержать такой жестокий и болезненный удар.

На бумагах была разрозненная информация. Она указывала на то, что репутация Е Чжицю в светском обществе была не очень хорошей. Но благодаря его успешному выступлению на неделе моды, его репутация, которая упала до нуля, начала немного восстанавливаться.

Цинь Цзяньхэ пробежал глазами по тексту и жестом предложил Вэй Цзе продолжать.

— Недавно госпожа Е инвестировала немало денег в семью Ци, вероятно, из-за ранее обсуждавшегося сотрудничества, — сказал Вэй Цзе. — Но госпожа Е не прогадала, семья Ци действительно блестяще выступила на выставке, заказы поступают один за другим, так что, возможно, госпожа Е еще и неплохо заработает.

— Сколько она инвестировала? — спросил Цинь Цзяньхэ, перелистывая страницы.

— По предварительным оценкам, более десяти миллионов, — прикинул в уме Вэй Цзе. — Но, похоже, Е Хунсянь и дети ничего об этом не знают, всем занимается только госпожа Е.

— Судя по масштабам, обороту и финансовым отчетам семьи Е, за прошлый год у них было не так много прибыли, и если посмотреть на отчеты за предыдущие несколько лет, то прибыль также была довольно ограниченной. Десять миллионов — это немалая сумма для семьи Е, — Цинь Цзяньхэ, не поднимая головы, быстро просматривал отчеты. — Ты проверил источник этих денег?

— Эм... нет еще, — ответил Вэй Цзе.

— Проверь, откуда у нее эти деньги и сколько у нее еще осталось.

— Хорошо, господин Цинь, — Вэй Цзе записал это в свой блокнот.

— Есть ли какие-нибудь зацепки по водителю семьи Е, который работал у них двадцать лет назад? — Цинь Цзяньхэ закончил просматривать первую папку и открыл вторую.

— Вскоре после того, как этот водитель уволился из семьи Е, он эмигрировал в Австралию со всей своей семьей, — Вэй Цзе как раз собирался рассказать об этом. — Но после эмиграции он, возможно, сменил имя, к тому же прошло довольно много времени, сейчас местные власти еще ведут расследование, как только появятся новости, я сразу же сообщу вам.

Цинь Цзяньхэ кивнул.

Его черты лица и без того были холодными, а теперь они словно покрылись тонким слоем инея, от одного взгляда на него становилось холодно.

Вэй Цзе хотел что-то добавить, но в итоге промолчал и просто спокойно ждал.

Спустя некоторое время густые ресницы Цинь Цзяньхэ слегка дрогнули.

— Найди подставную компанию, — спокойно сказал он, — и через нее размести заказ в "Циюнь".

— А... — Вэй Цзе растерянно моргнул, но приказы начальства всегда были правильными, поэтому, хоть он и не понял причину, сразу же ответил: — Хорошо, господин Цинь.

— Тогда я пойду, господин Цинь, — сказал Вэй Цзе, видя, что Цинь Цзяньхэ больше ничего не нужно. — Чжоу Тунсинь еще ждет, чтобы войти.

— Угу, — небрежно ответил Цинь Цзяньхэ, достал сигарету и щелкнул зажигалкой.

— Пусть подождет несколько минут, — сказал он.

— Хорошо, господин Цинь, — Вэй Цзе на цыпочках вышел из кабинета.

В тот момент, когда дверь кабинета закрылась, Цинь Цзяньхэ глубоко затянулся сигаретой, его острая линия подбородка стала невероятно жесткой. В то же время уголок его губ небрежно приподнялся, выражая трудноописуемую жестокость. И в работе, и в личной жизни, как в бизнесе, так и в повседневной жизни, он встречал много подлых и отвратительных людей, но такого, кто с самого начала и до конца использовал ребенка, он видел впервые.

Серовато-белый дым вырвался из его тонких губ, словно вуаль, застилающая глаза. Сквозь эту легкую серовато-белую дымку Цинь Цзяньхэ снова увидел, как вчера вечером Е Чжицю открыл ему дверь. Он только выглянул, как настороженная кошка.

Его густые ресницы слегка опустились, холод в глазах наконец-то немного рассеялся.

Он опустил глаза и взял телефон, чтобы отправить Е Чжицю сообщение.

ЦИНЬ: "Ты хорошо позавтракал?"

Е Чжицю ответил спустя некоторое время.

Один лист знает осень: "Да, довольно плотно. Съел сосиску, которую ты принёс, яйцо вкрутую и выпил молока."

Один лист знает осень: "А господин Цинь? Вы поели?"

Цинь Цзяньхэ смотрел на экран, и ему казалось, что каждое слово, написанное Е Чжицю, излучает послушание. Холодность в его глазах бесшумно растаяла, и на их месте невольно появилась лёгкая улыбка.

ЦИНЬ: "Да, сварил лапшу."

Один лист знает осень: "Хорошо. Загорелся зелёный, мне пора ехать. Кстати, я отлично готовлю лапшу, в следующий раз приготовлю тебе."

Цинь Цзяньхэ усмехнулся.

ЦИНЬ: "Хорошо."

Когда он докурил сигарету до конца, раздался стук в дверь. Цинь Цзяньхэ поднял руку и потушил окурок в пепельнице, слегка приподняв взгляд.

— Входите.

Это был первый раз, когда начальник специально попросил коллегу передать, чтобы заходили позже. Чжоу Тунсинь вёл себя тихо, как цыплёнок, не смея произнести ни звука. Хотя до этого он подготовил немало вопросов, которые требовали уточнения, сейчас не мог задать ни одного. Как только начальник подписал все документы, он, словно спасаясь бегством, схватил гору бумаг и выбежал.

— Говорю вам, ребята, — как только вернулся в секретариат, Чжоу Тунсинь, раздавая подписанные документы, понизил голос и предупредил: — Начальник сейчас ничем не отличается от айсберга. Если ваши дела не срочные, ни в коем случае не лезьте на рожон, иначе я не несу ответственности за потери.

Несколько молодых секретарей-помощников, получив документы, спустились вниз, чтобы разнести их по отделам, и не могли удержаться от перешёптываний по дороге.

В результате, когда Е Чжицю приехал в компанию и поднялся на лифте, он услышал кое-какие слухи. Войдя в кабинет, он закрыл дверь и достал телефон, чтобы написать Цинь Цзяньхэ.

Один лист знает осень: "Слышал, что у господина Циня сегодня плохое настроение?"

Один лист знает осень: "Могу ли я чем-нибудь помочь?"

ЦИНЬ: "Ты в компании?"

ЦИНЬ: "Включи звук на телефоне, если понадобится, я тебе позвоню."

Этот человек... Никакой вежливости.

Несмотря на внутреннее недовольство, Е Чжицю всё же проверил настройки звука. Положив телефон, он взял с полки несколько рулонов новой ткани. Ее он вчера попросил Чжан Лань взять со склада, ткань подходила для костюма, эскиз которого он только что нарисовал. Шесть-семь рулонов от разных производителей, с этикетками, рассортированными по категориям.

Зазвонил внутренний телефон, Е Чжицю ответил.

— Учитель Сяо Е, — раздался голос Чжан Лань, — ту хлопчатобумажную ткань, которую мы вчера смотрели, может сделать и новая фабрика. Я попросила их прислать мне по рулону каждого цвета, через полчаса привезут, подождёте?

— Хорошо, — сказал Е Чжицю, сначала развернул рулоны, которые были у него, сравнил их, и в итоге оставил только один.

Затем он развернул последний рулон и накинул на манекен, взял ножницы и булавки, наклонился и начал работать. Когда он примерно вырезал форму из ткани на манекене, Чжан Лань вошла с несколькими рулонами ткани.

— Вы уже начали резать? — спросила Чжан Лань, кладя ткань на рабочий стол.

— Да, — Е Чжицю улыбнулся, — у меня дела в обед, боялся, что не успею.

Он посмотрел на новую ткань, которую принесла Чжан Лань:

— Вырежи из этой ткани комплект, чтобы я посмотрел.

Чжан Лань: ... Хорошо.

Говоря о моделировании, Чжан Лань немного робела, но она знала, что Е Чжицю таким образом направляет её.

Всё утро они были заняты каждый своим делом.

В какой-то момент позвонил Ци Синь, Е Чжицю не ответил.

Тогда Ци Синь отправил несколько сообщений, в которых сообщил Е Чжицю, что по двум эскизам, которые он отправил вчера, компания «Синье» даже не стала ждать изготовления лекала и сразу разместила заказ, перевела первый взнос, а сегодня в компанию пришёл ещё один крупный клиент и так далее...

Е Чжицю лишь мельком взглянул на сообщения и отвёл взгляд, не читая дальше. Поэтому, когда ближе к полудню пришло сообщение, он машинально подумал, что это снова Ци Синь. Только закончив резать, он отложил ножницы и булавки, затем передал Чжан Лань выкроенную на манекене ткань:

— Найди время и сшей.

— Хорошо, — Чжан Лань отложила наполовину заполненный список фурнитуры, встала, взяла ткань и направилась к швейной машинке.

Только тогда Е Чжицю взял свой телефон, чтобы прочитать сообщения. Последнее сообщение было не от Ци Синь, а от Цинь Цзяньхэ.

ЦИНЬ: "Сейчас нужно, когда освободишься, подойди к лестнице."

А сообщение было отправлено целых десять минут назад.

Подсознательно Е Чжицю посмотрел на Чжан Лань и увидел, что она склонилась над швейной машинкой, сосредоточенно прокладывая строчку. Он не стал её беспокоить, достал из кармана плаща сигареты и зажигалку, встал, вышел и открыл железную дверь, ведущую на лестницу.

Дверь скрипнула, и в лестничной клетке зажёгся датчик движения.

В тесном пространстве остался очень слабый запах табака с ментолом.

Невольно Е Чжицю замедлил шаг.

Датчик движения над головой погас.

Несмотря на то, что сейчас был полдень, в лестничной клетке было темнее, чем днём, когда лучи заходящего солнца проникали сквозь окно.

Е Чжицю протянул руку, схватился за перила и начал подниматься по лестнице, ступенька за ступенькой...

На третьей ступеньке он остановился.

Цинь Цзяньхэ всё ещё ждал его. Он стоял, засунув руки в карманы, облокотившись на подоконник и глядя вниз.

Увидев его, он медленно поднял руку.

— Е Чжицю, — сказал он низким голосом, — подойди.

Е Чжицю опоздал, к тому же время поджимало, поэтому он не стал идти на поводу у своего бунтарского духа. Он шагнул и подошёл.

Неподалёку за окном ярко светило солнце, что делало этот маленький уголок ещё более тёмным и укромным.

Е Чжицю ступил на небольшую площадку и вложил свою руку в ладонь Цинь Цзяньхэ, которую тотчас же крепко сжала другая сторона.

— Что случилось? — улыбнулся Е Чжицю. — Вся компания знает, что ты сегодня не в духе.

— Слухи так далеко распространились? — спокойно произнес Цинь Цзяньхэ, слегка повернувшись и обнимая Е Чжицю.

Он обнимал крепко, бережно, словно держал в руках какую-то драгоценность. Е Чжицю невольно замер на мгновение, а затем погрузился в знакомый легкий древесный аромат.

— Что случилось? — спустя некоторое время нарочито расслабленным тоном спросил он. — Тебя кто-то обидел? Скажи мне, я пойду и изуродую ему лицо в отместку.

Сам был обижен, но не забыл спросить, не обидели ли его любимого. Услышав это, Цинь Цзяньхэ невольно еще сильнее сжал его в объятиях.

— Кого ты можешь победить? — тихо спросил Цинь Цзяньхэ, невольно вспомнив, что с тех пор, как он познакомился с Е Чжицю, тот как минимум трижды получал травмы лица.

— Смогу ли я победить — это другой вопрос, — Е Чжицю рассмеялся, а через мгновение пошевелился в его объятиях. — Но если мне сломают поясницу, то у меня даже не будет шанса подраться.

Услышав это, Цинь Цзяньхэ ослабил хватку. Он поднял голову и прижался лбом ко лбу Е Чжицю.

— Неужели? — Парень изо всех сил старался поднять ему настроение. — Сожалеешь, что вчера не остался у меня ночевать?

— Угу, — тихо ответил Цинь Цзяньхэ. — До смерти сожалею, хочу спать с тобой каждую ночь.

Е Чжицю: ...

— Можно? — Цинь Цзяньхэ вдруг поднял на него глаза, его острые, как у феникса, глаза были глубокими и темными, словно проникали прямо в душу. — Е Чжицю.

<http://bllate.org/book/14243/1258151>